

21. Sharipov, O. V. (2000), *Philosophical questions of the scientific views on the space and time* [*Philosovskije voprosi nauchnih predstavlenij o prostranstve i vremeni*], Novosibirsk, 226 p.
22. Referovskaia, E. A. (1983), *Essai de grammaire francaise*, Moscow, pp. 258–283.

Надійшла до редколегії 06.02.2017

УДК 811.161.1'42

В. В. Мальцева

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

ДИСКУРС ВО ВЛАСТИ СТЕРЕОТИПОВ: ДЕКОНСТРУКЦИЯ ЯЗЫКА В РОМАНЕ ВЛАДИМИРА СОРОКИНА «НОРМА»

В данной статье художественный текст рассмотрен как соединение дискурсивных формаций, порождающее расщепленную, неоднородную картину мира. Исследованы задачи и пути реализации полидискурсивности в романе Владимира Сорокина «Норма». На фактическом материале показаны взаимосвязь обыденного и советского политического дискурсов, мимикрия дискурсов власти и насилия под «норму» и «стереотипность». Выявлено, что деконструкция текста является закономерным и художественно оправданным методом преодоления власти какого-либо дискурса.

Ключевые слова: дискурс, полидискурсивность, советский политический дискурс, обыденный дискурс, постмодернизм.

Мальцева В. В. Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна. **ДИСКУРС ПІД ВЛАДОЮ СТЕРЕОТИПІВ: ДЕКОНСТРУКЦІЯ МОВИ У РОМАНІ ВОЛОДИМИРА СОРОКІНА «НОРМА»**

У статті художній текст розглянуто як сукупність дискурсивних формаций, що породжує розщеплену та неоднорідну картину світу. Досліджено задачі та шляхи реалізації полідискурсивності у романі Володимира Сорокіна «Норма». На фактичному матеріалі показано взаємовплив буденного та радянського політичного дискурсів, мімікрію дискурсів влади та насилья під «норму» та «стереотипність». Виявлено, що деконструкція тексту є закономірним та художньо виправданим методом здолаття влади будь-якого дискурсу.

Ключові слова: дискурс, полідискурсивність, радянський політичний дискурс, буденний дискурс, постмодернізм.

Maltseva V. V. V. N. Karazin Kharkiv National University. **DISCOURSE UNDER THE POWER OF STEREOTYPES: LANGUAGE DECONSTRUCTION IN SOROKIN'S NOVEL «NORM»**

The study is devoted to the interpretation of the functions, transformations and meaning of the discourse in the postmodern literary fiction. The object of the work is polydiscursivity in Sorokin's novel «Norm». Postmodern study represents a mosaic picture of the world and gives a blend of contexts and discourses: soviet political, criminal, juridical, ordinary and others. The presuppositions of this phenomenon lie in the dissolution of narratives. A participant of a conversation can combine several discourses, change various communicative and social roles, goals, intentions and purposes. Global context plays a fundamental role in the description and explanation of a text. Split postmodern consciousness generates different pictures of the world and different types of the discourse, that's why, involves many aspects of society and culture in the analysis.

Practical part is represented by the analysis of the interrelations between significant discourse fragments, which helps to understand multiplicity and heterogeneity of the chosen text. Vladimir Sorokin in his novel «Norm» shows how ordinary consciousness become a sphere of the stereotypes and violence. Deconstruction of the narrative is the only way to defeat power of discourse.

Key words: discourse, polydiscursivity, soviet political discourse, ordinary discourse, postmodern literature.

Філософія постмодернізму постулює пан'язикову природу людського свідомості і несвідомого, а отже, і породжуваною їм культури, науки, соціальних практик і пр. В центрі уваги художника-постмодерніста опиняється слово, буття мови, його функціонування в різних соціальних, історичних і культурних рамках.

Вивчення мови постмодерністських текстів представляється особливо продуктивним з позиції дискурсивного аналізу. **Актуальність** дослідження обумовлена можливістю нової роботи над конструюванням художественного тексту. **Об'єктом** даної роботи є багатомірний художественний дискурс, що включає в себе і творчо переосмислює інші види дискурсивних формацій; **предметом** – накладення і взаємодія різних дискурсів (полідискурсивність) в романі Володимира Сорокіна «Норма». Як представляється, на даний момент феномен полідискурсивності сучасної прози досліджено недостатньо. Аналіз роману «Норма» дозволяє прослідкувати за реалізацією полідискурсивності в художественному просторі, виявити «борьбу» дискурсів за владу.

Вслід за В. Е. Чернявської ми розуміємо дискурс як мисльову діяльність, нерозривно пов'язану з культурно-історичними, соціальними, ідеологічними, психологічними контекстами, т. є. екстралінгвістичним компонентом. В дискурсі реалізуються комунікативно-прагматичні і когнітивні установки автора, які направлені на взаємодію з адресатом, що обумовлює особливий порядок вибору і функціонування мовних одиниць в тексті [9, с. 75–78]. Відповідно зміна дискурсивної формації супроводжується зміною прагматичного статусу мовлячого.

Художественна проза, являючись складним, багатомірним конструктом, представляє собою, по думці М. М. Бахтіна, «організоване соціальне розмовлення, іноді різномовність, і індивідуальну різномовність» [2, т. 3, с. 15]. Перекладаючи це визначення на метаязык дискурсивного аналізу, приходимо до усвідомлення полідискурсивності художественної форми.

Природа дискурсу представляє собою когнітивний простір, окреслений ментальними (обумовлюючими конвенційний спосіб мислення), методологічними (перешкоджаючими появі альтернативних, конкуруючих, «чужих» ідей), змістовними (групуєючими те чи інші тексти як тематичні, близькі, «свої», виключаючими інші теми як нерелевантні, «чужі») і лінгвістичними межами (оперуючими конвенційними мовними засобами) [9, с. 80].

При всій декларованій дослідниками однорідності і замкнутості дискурсу (що виключає експліцитне протиставлення суб'єктів-протиставлених), він не реалізується без Другого. Навіть в авторитарному радянському політичному дискурсі спостерігаються протилежні тенденції: декларована монолітність, єдність, гомогенність співпадають з зовнішніми по відношенню до дискурсу факторами [4, с. 380]. Як представляється, даний феномен реалізується не тільки в високій частоті використання номінативів, що передбачає переклад відповідальності за висловлювання на імпліцитного «Другого» (так званого «двоїтвенного мови»), але і в існуванні потенційного ворога, носія іншого свідомості / дискурсивної формації. Останнє може виражатися в наступних дискурсивних слідах: капіталізм, імперіалізм, буржуї і пр.

Дискурс не існує обособлено: всередині нього «постійно присутній його Другий» [Там же, с. 380]. Суб'єкт актуального висловлювання відчуває потребу в цьому «Другому». Щоб говорити про себе, потрібно знайти межі, які, відповідно, і породжують твою самість (ти можеш зрозуміти, хто ти є, знайшовши те, чим

ты не являешься). В свою очередь, наличие «Другого» предполагает возможность иного взгляда на мир, т. е. «Другой» потенциально обладает иным дискурсом, что при столкновении, наложении, контаминации порождает эту многоголосицу.

Культура каждого исторического периода представляется как сумма текстов или дискурсов, эклектический конгломерат смыслов. Зачастую те или иные дискурсивные формации представлены точно или свернуто, однако мы можем реконструировать их из преконструкта, представляющего собой «дискурсивные следы», «дискурсивное всегда-уже-здесь существовавшее» [4, с. 34]. Доминантные коды не исчезают без следа, а продолжают воздействовать на сознание людей, пребывая в рассеянном виде вездесущей, но невидимой власти господствующей идеологии. Завладевая культурой и СМИ, идеология навязывает людям свой язык [3, с. 136].

Дискурсивный анализ художественного произведения представляется невозможным без глубинного макросемантического анализа, а именно без учета тех языковых и композиционных единиц, которые оказываются прагматически сфокусированными в данном художественном произведении – стратегий и факторов текстопорождения, а также без экстралингвистических связей [9, с. 88–89].

Так, для вдумчивого прочтения романа В. Сорокина «Норма» необходимо актуализировать в памяти период «застоя» в истории СССР (с момента прихода к власти Л. Брежнева в 1964 году по XXVII съезд КПСС в 1986 году), идеологию той эпохи, которая нашла отражение в языке (советском политическом дискурсе) и в литературе, получившей название соцреализма (о которой говорится как о наскучившей и посредственной в следующем контексте: «*Муть мутью. Производственный роман. <...> Кошмар*» [5, с. 28–29]).

На поверхности в произведении В. Сорокина оказывается понятие «нормы», его семантические трансформации, связанные с функционированием лексической единицы в различных контекстах. «Норма» вынесена в заглавие романа, которое, являясь рамочным знаком, нуждается в возвращении и переосмыслении после прочтения текста [6, с. 89]. В начале романа «нормой» называют упакованный в бумагу кал, который предписано употреблять в пищу сознательным гражданам советского государства («*Мам, а зачем ты какашки ешь?*» [5, с. 44]). Норма выступает не только как предельно опредмеченная повинность (не абстрактный «долг» перед государством и народом), но и как обычный, установленный порядок, рутина: у каждого потребителя есть свои привычные способы поглощения фасованного кала, обстоятельства употребления его в пищу (всего 31 микросюжет): «*Норма была старой, с почерневшими, потрескавшимися краями. Николай наклонил банку над тарелкой, варенье полилось на норму*» [Там же, с. 39], «*Прохоров разрезал пакет, вытряхнул норму на блюдце и стал опрыскивать ее из пульверизатора до тех пор, пока одеколон не скопился под ней желтоватой лужицей. <...> Отложив пульверизатор, Прохоров вытащил из нагрудного кармана пакетик с молотым перцем и тщательно поперчил норму. Потом схватил ее и, стараясь не глядеть, стал откусывать и глотать, не жуя*» [Там же, с. 46], «*Норму как следует заесть надо. Чтобы ни запаха, ничего... Отец мой покойный квасом запивал. А после водки и поест поплотней*» [Там же, с. 66]. Стереотипное поведение и мышление, демонстрируемое в данном нарративе, характерно для обыденного дискурса. Таким образом автору удается показать, что обыденный дискурс формируется вокруг концепта «норма», который предстает как совокупность ментальных и поведенческих стереотипов, организующих процессуальность жизни советского человека во всех ее проявлениях (семейная жизнь, интимные отношения, профессиональная и социальная реализация и пр.).

Все сюжеты первой части романа представляют собой бытовую сторону жизни, разница состоит лишь в наполнении этого быта содержанием. Нарратор изображает все слои населения: от элиты (политической и интеллектуальной) до социальных низов (криминалитет, алкоголики), что обуславливает различную реализацию обыденной дискурсии. Для математика [5, с. 21–24] его профессиональная терминология («*скаляры*», «*матрица*»), его профессиональная деятельность в целом становится частью быта (неслучайно кличка кота математика – *Синус*). Это дает возможность полагать, что обыденный дискурс может трансформироваться в зависимости от рода и вида деятельности, он легко принимает в себя то, что близко и понятно конкретному индивиду, в том числе властные / идеологические структуры, за которыми мыслится «сила», «большинство», «коллективное счастье».

В романе препарирована категория «нормальности»: «нормальным» является то, что представляет собой стереотипное, посредственное, статистически усредненное, например: «*Получают много, а жить нормально не умеют. <...> Машка приходит вся разодетая... Эра, дай взаймы*» [Там же, с. 28]. Подразумевается, что жить «нормально» значит умеренно, «как все»; «вся разодетая» представляет эмоционально-оценочную характеристику с отрицательным значением (ср. «*вся из себя*»).

Развернутое описание универсальных понятий «нормы» и «нормальности» дает вторая часть, которая воплощает собой «индексальную дискурсивность», предполагающую использование слова в его указательной функции [7, с. 292]. Текст организован как список существительных, сопровождаемых прилагательным *нормальный/ая/ое* (реже – глаголов с наречием *нормально*), своеобразный реестр жизни среднестатистического человека, являющегося не более чем объектом описания, начиная с его появления на свет (*нормальные роды / нормальный мальчик / нормальный крик...*), заканчивая кончиной (*нормальная кома / нормальный разряд / нормальное массажирование / нормальная смерть*). При этом значения прилагательного *нормальный* меняются и зависят от семантики главного слова. Например, словосочетания *нормальная температура, нормальные анализы* или *нормальное давление* передают готовые смыслы, которые можно объединить в тематическую группу «здоровье» («правильная, нормальная деятельность организма»), в то же время *нормальная музыка, нормальная любовь* лишены той выразительности, которой «в норме» должны обладать: «нормальная» музыка – это «никакое», даже скорее плохое, чем хорошее музыкальное произведение, поскольку оно не выполняет своей эстетической функции; *нормальная любовь* – это чувство, низведенное до обывательского уровня, лишенное индивидуальных черт, «как у всех». То же можно сказать о *нормальном героизме, нормальной самоотверженности, нормальной доблести*, которые актуализуются в тексте в связи с призывом объекта описания в армию [5, с. 95–134].

Подобная игра на полисемантической «нормы» разворачивается также в шестой части романа, написанной в форме лозунгов плакатно-идеологической тематики: «*Я СВОЮ НОРМУ ВЫПОЛНИЛ!*» (норма здесь – это норматив, установленная мера выработки чего-либо), «*ТЫ СВОЮ НОРМУ ВЫПОЛНИЛ?*» (ср. большевистский агитационный плакат «*Ты записался добровольцем?*»), «*ПРАВОВЫЕ НОРМЫ СОБЛЮДЕНЫ!*», «*ГОРОД НОРМА РАСТЕТ И СТРОИТСЯ!*», рекламного содержания «*ГРУЗИНСКИЙ ЧАЙ НОРМА АРОМАТЕН!*» или представляющих собой обывательские высказывания «*У ВАСИ С ЛЕНОЙ ВСЕ В НОРМЕ!*», «*ЛИТР – ДИМКИНА НОРМА!*» [Там же, с. 258–259]. Смешение лексической репрезентации различных сфер жизни общества в контексте одной гла-

вы порождает расщепленную, неоднородную картину мира, множество голосов, сплетенных в единую, но нестройную мелодию.

Авторство в романе лишь имитируется: «инициатор высказывания – всего лишь исполнитель хорového ничейного слова» [7, с. 292]. «Ничье слово» не предполагает ответственности за это слово. Как упоминалось выше, подобное самоустранение субъекта речи свойственно для советского политического дискурса, «деревянного языка», реализующегося в большом количестве номинативов. «Хоровое» слово также является выражением доксы, общепринятого мнения, предельно упрощенного, схематизированного взгляда на мир, что характерно для обыденной дискурсивной формации. Представляется, что позиция говорящего в таких «бессубъектных» дискурсах по своей природе универсальна: адресант предстает здесь как транслятор готовых смыслов, их носителем может стать каждый, кто способен к самоидентификации в данной позиции [4, с. 369].

Речь, за которую никто не отвечает, порождает хаотический, «перевернутый» мир, в котором преобладают деструктивные, человеконенавистнические тенденции. «Норма» становится квазинормой. Она регулярно нарушается в рамках той или иной дискурсивной формации: так, в эпистолярном дискурсе части пятой разрушается ритм наррации, т. е. нарушается ритмическая норма. С этим связаны такие фрагменты писем, в которых содержится упрек в долгом молчании, сомнение в стабильности отношений автора с адресатом [8, с. 99]: *«вы что-то никак не пишете мне, я уже беспокоюсь»* [5, с. 229], *«Что-то вы мне совсем не пишете, напишите, не забывайте»* [Там же, с. 232], *«Мартин Алексеевич, я закругляюсь, вы что-то совсем не пишете, забыли старика совсем»* [Там же, с. 236].

Эпистолярный дискурс как потенциально бесконечный, регулярный тип коммуникации не реализуется, т. к. один из участников в ней не заинтересован. Принуждая другого к общению, автор писем пытается навязать свою позицию и мировидение как единственно правильные, ссылаясь на авторитет власти, которая, как видится адресанту, представляет собой общество и его интересы. Закономерно, что при этом речь героя включает выражения и формулировки советского политического дискурса: *«...мы с ней писать будем куда только можно мы обратим **внимание общественности** на вас и вашу деятельность кулака. Вы кулак и жена ваша – буржуйка, которая позорит и которую надо тоже приструнить как следует. <...> Я общественность расстрою и дом вы не получите потому что кулаков надо раскулачивать. Потому как вы сами не работаете а эксплуатируете меня вот как. А за это вас уничтожат как класс. Вы вредный элемент. <...> Таких учёных надо раскулачивать и показывать всем чтобы так вот больше не было!»* [Там же, с. 244]. Сама природа обыденного дискурса представляется подходящей ареной для внедрения и реализации властных интенций, поскольку обыденное, коллективное, «ничье» сознание нуждается в том, чтобы кто-то руководил его свободой.

Таким образом, «Норма» представляет собой предзаданную картину мира, которая формирует восприятие, оценки, суждения, отсекая тем самым возможность для появления другой точки зрения. Стереотип становится бессодержательным ритуалом. Так, в главе «Летучка» представлен обесмысленный, установочный, формальный дискурс, которым говорящие пытаются прикрыть тот экзистенциальный вакуум, обезличенное Das Man (термин М. Хайдеггера), в которое ввергает индивида монструозная сила идеологии: *«СЕГОДНЯ В 11:15 СОСТОИТСЯ ЛЕТУЧКА № 1430.<...> Первый материал – “В кунгеда по обоморо” – мне понравился. В нем просто и убедительно погор могорам досчася проборомо Гениамрос Норморок. И, знаете, что больше всего меня порадовало? Рогодтик прос»* [Там же, с. 300–301].

За «нормальністю» прятеться диктат влади, идеологія, заставляюча приймати свої погляди як істинні, правильні, єдині можливі. Дискурс влади перемагає готові культурні значення, нав'язуючи свої ідеологічні патерни, маніпулюючи мнением суспільства. Сховане впровадження в свідомість радянського громадянина установок комуністичного режиму, реалізується шляхом ефемізації і зміни конотацій (семантичних відтінків) в наступних висловлюваннях: *норма* замість *кал*, *живе удобрення* замість *погребення жертви терору*, *госплемзавод* замість *ГУЛАГ*, *нераскажанийся вредитель* замість *опозиционер* і т. д. В оповіданні здійснюється підміна понять, столь характерна для дискурсу влади (спр. «решення єврейського питання» замість «геноцид євреїв» в фашистському дискурсі, «інформувати владу» замість «донести властям»), і маніпулювання свідомістю. «Син нераскажанийся вредителя», що знаходиться в загоно для скота, не сприймається персонажами як людина.

В частині сьомій «СТЕНОГРАММА РЕЧІ ГЛАВНОГО ОБВИНТЕЛЯ: (продовження)» представлені твори анонімного, «ничейного» голосу, в яких деконструкція фразеологічних одиниць, метафор, культурної пам'яті оборачивається встановленням дискурсу влади: «— *Золоті руки у парнишки, що живе в квартирі номер п'ять, — доповідав, листая справу № 2541/128, загорелий лейтенант. — К майстру приходять понаслышке зробити ключ, кавчаник запаять. <...> Мати руками цими гордиться, товарищ полковник, хоч всього парнишке десять років... Полковник усміхнувся: — Як же їй, гниде бухаринської, не гордиться. Такого послідьшя себе выкормила... Через чотири дні переплавлені руки парнишки з квартири № 5 пошли на покупку поворотного пристрою, зробленого на філіалі фордівського заводу в Голландії і призначеного для регулювання годинників ленинської голови у восьмидесятиметровій скульптурі Дворца Советов» («САМОРОДОК» [5, с. 268]). Від інтертексту дитячого віршоповіщення, написаного З. Александровою, лишається тільки поштовх до здійснення дискурсу насильства. Гіпербуквалізація відомого фразеологізму «золоті руки» стає поштовхом до актуалізації ідеологічного контексту і радянського політичного дискурсу. Виникає підміна цінностей: значимим стає те, що може послужити на користь правлячим верхам. Ідеологія стає новою культурою, новим богом, тому «норма» сприймається як сакральна категорія. Обидений дискурс, що представляється говорящому як «своя» територія, укриття від зовнішнього світу (спр. «*мій дім — моя фортеця*»), оборачивається таким ментальним простором, в якому конвенціональні поняття витісняють суб'єкт висловлювання на периферію, роблячи його об'єктом маніпуляцій.*

В наступному контексті «*Война шумить у нас над головами. Но нас, Любаша, не розучила і війна зберігає в серцях з великими словами прості наших милих імена. <...> На ладони лежало дим'ящееся серце. Капітан потряс його над другою ладонню. З різкокалиберних артеріальних отворів посипалися різноцвітні слова: РАСКУЛАЧИВАННЯ, ЕМПІРИОКРИТИЦИЗМ, ІНДУСТРІЯ, СТАЛІН, ЕЛЕКТРИФІКАЦІЯ, НКВД, ЖДАНОВ, СОЦІАЛІЗМ, ЛЕНІН, ВКП(б), СТАХАНОВ, ІНТЕРНАЦІОНАЛІЗМ і другіє*» («В СЕРДЦЕ СОЛДАТ-СКОМ» [Там же, с. 273]) дискурс влади тісно пов'язаний з дискурсом насильства: в людині не лишається людського, він перетворюється в квінтесенцію політичної пропаганди, складається з лозунгів і ложних ідеалів, не зрозумілих йому самому.

Пошуки підходящого «слова» зазвичай закінчуються руйнуванням дискурсу, наприклад символічним погребенням тексту в третій частині роману: «— *Суровий розповідь... <...> Давай його знову закопаємо? — Закопати? — Ага.*

Точно говорю – лучше будет. Поверь мне» [5, с. 203]. Как представляется, это лишь утверждает дискурс насилия, а не снимает его. Прочитанный или услышанный текст остается в памяти воспринимающего, но альтернативы, которая могла бы принести катарсис, очищение, нарратор не дает, напротив, он продолжает транслировать дискурс власти, тиражирует насилие, которое стало нормой.

Деконструкция нарратива достигает своего апофеоза в пятой части «Нормы». Автор писем Мартину Алексеевичу выражает свой внутренний Хаос, деструктивные силы, порожденные бездуховной, обывательской жизнью, полной мелочных забот, в дискурсе насилия. От письма к письму назойливо повторяются (будто ритуализированно) одни и те же занятия автора писем, оставшегося неизвестным: поправить калитку, достать «*рубироиду*» и «*шиферу*», посадить огурцы и картошку, транслируется ненависть по отношению к родственникам Мартина Алексеевича, которые приезжают на дачу в конце лета: «*Они приедут только в августе когда все поспеет и давай жрать. А после насрут нагадят и уедут к чертовой матери. А вы с ними сидите чаи гоняете. Их надо дубиной поучить*» или «*Старый человек работает а они только жопой вертят и пьют а после приедут поедят насрут и все*» [Там же, с. 241; с. 245].

Постепенно ненависть распространяется и на Мартина Алексеевича, нарратор теряет способность говорить: «*Вы срать на нас а мы тоже напишем и общественность будет вас просветить. Вы на нас как хотите а мы тоже ученые*»; после разрушения синтаксической связи, начинает искажаться и распадаться само слово: «*Я тега мого тада мого*»; далее нарратив ритмизуется, представляя собой безумный реестр несуществующих слов, под которыми могут скрываться неартикулируемые понятия: «*...пиро пата мана кера...*», затем пропадает и эта ритмизованность, речь предстает как нерасчленимый поток экстатического бормотания: «*... самаратира залогоука самараниперити...*», который в конце перерастает в крик «*aaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaa...*» [Там же, с. 244–257].

Ненависть достигает своей кульминации, и это разрушает нарратора, он «деградирует, превращается в истерический вопль безумного садистического упоения, разваливается на глазах, сходит на нет» [1, с. 138]. Сам дискурс объективирует акт насилия: насилие одного персонажа по отношению к другому, насилие над языком и формой, в которой он воплощается, и насилие над читателем, который не в состоянии прочитывать последние страницы главы.

Нарратив предстает единственной формой означивания бытия, именно он творит реальность данного текста. Теряя способность артикулировать знания, дискурс перестает существовать. Тогда «*aaaaaaa...*» – крик до-сознания, крик (пере)рождения или смерти.

Поскольку дискурс власти настолько силен, что проникает в другие дискурсы, внедряется в сознание, остается только разрушить его. Деструкция представляется не только единственно возможным сценарием, но и закономерным, оправданным с художественной точки зрения. Деконструкция языка приводит к снятию аксиологической дуальности «добро – зло», «значимое – ненужное», отрицает власть одной системы над другой.

Эклектизм, проявляющийся в смешении разных родов литературы (лирики, эпоса), разных дискурсов (рекламный, обыденный, политический, юридический и т. д.), воплощает «нулевую степень общей культуры» (Ж.-Ф. Лиотар). Как отмечает Лиотар, постмодерное мировоззрение отмечено расщеплением веры в «великие метаповествования», такие как просветительская вера в разум, гегелевская диалектика духа, эмансипация личности и пр. Вместо них приходят локальные, расщепленные, более простые нарративы, что подчеркивает кризис детерминизма, сохранившегося лишь в виде «маленьких островов» в мире неста-

бильности, в котором «консенсус стал устаревшей и подозрительной ценностью» (цит. по: [3, с. 132]).

Выводы. Полидискурсивность современного художественного текста подразумевает отказ от систематизации, что, как видится, и порождает своеобразную форму романа В. Сорокина «Норма». Особенностью архитектоники романа является его мозаичность, конструирующая стереоскопическую картину мира, неприводимого к «общему знаменателю», «правильному» мнению. Можно говорить об отсутствии персонажа как такового, его непроявленности или принципиальной неартикулируемости; героем романа становится сам язык.

Как представляется, литература должна «преодолеть» язык, уличить его в манипуляции, указать на иллюзорность происходящего, чтобы избежать ситуации, в которой сознание человека может быть поглощено очередной системой ценностей / идеологией / «нормой». Эта борьба с языком проявляется в деконструкции художественного дискурса как единой, монолитной формы, реализуется в полидискурсивности, в раздробленности и непереводаемости полученного текста в какую-либо другую систему знания, что воплощает континуальность течения жизни и нарратива. Литератор находится в поиске новых форм изображения, которые были бы адекватны объекту описания: на первый план выдвигается непредставимое, невообразимое, неартикулируемое. Эти искания неизбежно приводят к получению новых способов изображения, т. е. к принципиально новому типу художественного нарратива, что и обуславливает **перспективность** дальнейших исследований, которые предполагается осуществить на материале романов В. Пелевина, Л. Улицкой, Саши Соколова.

Библиографические ссылки

1. **Бабай П. Н.** Опричнина как русская метаисторическая универсалия в романе Владимира Сорокина «День опричника» / П. Н. Бабай // Вісник Харків. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. – 2006. – № 745. Сер. : Філологія. – Вип. 49. – С. 134–138.
2. **Бахтин М. М.** Собр. соч. : в 7 т. / М. М. Бахтин. – М. : Языки славянских культур, 2012. – Т. 3: Теория романа (1930–1961 гг.). – 880 с.
3. **Ильин И. П.** Постмодернизм: словарь терминов / И. П. Ильин. – М. : ИНИОН РАН – INTRADA, 2001. – 384 с.
4. **Квадратура смысла:** Французская школа анализа дискурса: пер. с фр. и португ. / общ. ред. и вступ. ст. П. Серию; предисл. Ю. С. Степанова. – М. : Прогресс, 1999. – 416 с.
5. **Сорокин В.** Норма / Владимир Сорокин // Собр. соч. : в 3 т. – М. : Ad Marginem, 2002. – Т. 1. Норма. Очередь. Первый субботник. Месяц в Дахау. – С. 7–315.
6. **Стилистический энциклопедический словарь русского языка** / под ред. М. Н. Кожинной; чл. редкол.: Е. А. Баженова, М. П. Котюрова, А. П. Сковородников. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 696 с.
7. **Тюпа В. И.** Анализ художественного текста: учеб пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений / В. И. Тюпа. – М. : Издательский центр «Академия», 2006. – 336 с.
8. **Человеческий фактор в языке:** Коммуникация, модальность, дейксис / [Арутюнова Н. Д., Булыгина Т. В., Кибрик А. А. и др]; под ред. Т. В. Булыгиной. – М. : Наука, 1992. – 281 с.
9. **Чернявская В. Е.** Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия : учеб. пособие / В. Е. Чернявская. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 136 с.

References

1. Babaj, P. N (2006), "Oprichnina as a Russian metahistorical universal in the Sorokin's novel «Day of the Oprichnik»" ["Oprichnina kak russkaja metaistoricheskaja universalija v romane Vladimira Sorokina «Den' oprichnika»"], *Visnik Harkivs'kogo nacional'nogo universitetu im V. N. Karazina*, No 49, pp. 134–138.

2. Bakhtin, M. M. (2012), *Collected works Vol 3: The theory of the novel* [*Sobranie sochinenij v 7 t. T. 3: Teorija romana*], Moscow, 880 p.
3. Il'in, I. P. (2001), *Postmodern: dictionary terms* [*Postmodernizm: slovar' terminov*] Moscow, 384 p.
4. *Quadrature of meaning: French school of discourse analysis* (1999), [*Kvadratura smysla: Francuzskaja shkola analiza diskursa*], Moscow, 416 p.
5. Sorokin, V. (2002), *Collected works Vol 1. «The Norm». «The Queue». «The First Saturday Workday». «Month in Dahau»* [*Sobranie sochinenij v 3 t. T.1. «Norma». «Ochered'». «Per-vyj subbotnik». «Mesjac v Dahau»*], Moscow, pp. 7–315.
6. *Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian language* (2006), [*Stilisticheskij jencik-lopedicheskij slovar' russkogo jazyka*], Moscow, 696 p.
7. Tjupa, V. I. (2006) *Analysis of literary text* [*Analiz hudozhestvennogo teksta*], Moscow, 336 p.
8. *Human factor in the language: communication, modality, deixis* (1992), [*Chelovecheskij faktor v jazyke: Kommunikacija, modal'nost', dejksis*], Moscow, 281 p.
9. Chernjavskaja, V. E. (2006), *Discourse of power and power of discourse: problems of speech influence* [*Diskurs vlasti i vlast' diskursa: problemy rechevogo vozdejstvija*], Moscow, 136 p.

Надійшла до редколегії 18.01.2017

УДК 811:801.6

Т. И. Манякина

*Днепропетровский национальный университет железнодорожного транспорта
имени академика В. Лазаряна*

СТРУКТУРА И ФУНКЦИИ ФАКТУАЛЬНЫХ ВСТАВОК В СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАТИВНЫХ ПЕРЕВОДАХ

Рассмотрены количественные параметры и коммуникативно-прагматические функции фактуальных вставок в профессиональных переводах с немецкого языка на русский культуроведческих текстов в параллельном многоязычном издании «Kulturchronik» (ФРГ). Показано, что фактуальные добавления в текстах переводов уточняют и детализируют исходную информацию, способствуя её адекватному восприятию русскоязычным читателем. Отмечен высокий обучающий потенциал сопоставительного анализа иноязычных культуроведческих текстов с их профессиональными переводами в подготовке специалистов по иностранным языкам.

Ключевые слова: информативный перевод, культуроведческий текст, исходный текст, текст перевода, фактуальная вставка, уровень адаптации, сопоставительный переводоведческий анализ.

Манякіна Т. І. Дніпропетровський національний університет залізничного транспорту імені академіка В. Лазаряна. **СТРУКТУРА І ФУНКЦІЇ ФАКТУАЛЬНИХ ВСТАВОК У СУЧАСНИХ ІНФОРМАТИВНИХ ПЕРЕКЛАДАХ**

Розглянуто кількісні параметри та комунікативно-прагматичні функції фактуальних вставок у професійних перекладах з німецької мови на російську культурознавчих текстів у паралельному багатомовному виданні «Kulturchronik» (ФРН). Показано, що фактуальні добавлення в текстах перекладів уточнюють та деталізують вихідну інформацію, що допомагає їй адекватному сприйняттю російськомовним читачем. Відзначено високий навчальний потенціал порівняльного аналізу іншомовних культурознавчих текстів з їх професійними перекладами у процесі підготовки фахівців з іноземних мов.

Ключові слова: інформативний переклад, культурознавчий текст, вихідний текст, текст перекладу, фактуальна вставка, рівень адаптації, порівняльний перекладознавчий аналіз.